

УДК 811.512.122'373

ББК 81

DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-2-26-128-135>

**З. К. Темиргазина,
А. Д. Амренов**
Павлодар, Казахстан

**Zifa K. Temirgazina,
Adilbek D. Amrenov**
Pavlodar, Kazakhstan

Культурная специфика метафоры «жилище» – «семья» в казахских свадебных тостах

Cultural Specificity of the “Housing” – “Family” Metaphor in Kazakh Wedding Toast

В предлагаемой работе рассматривается специфика метафорического осмысления понятия «семья» в казахской культуре. Исследование осуществляется на материале текстов казахских свадебных тостов. Эта разновидность речевого жанра тоста характеризуется признаками типизированности и вариативности, определяемыми конвенциональными нормами языка и речевой коммуникации. Слова, фразеологические сочетания, в которых объективируется метафорическая модель с областью-источником «жилище» и областью-мишенью «семья» в текстах казахских свадебных тостов, свидетельствуют о своеобразии языковой концептуализации понятия семьи. В языковых единицах сохранились «следы» языческих мифологических воззрений, древних обычаев, ритуалов и поверий казахов. В метафорической модели «жилище» – «семья» отражено представление о создании новой семьи как строительстве/устройстве нового жилища. Помимо общего представления семьи как жилища (ақ отау), в реализации этой метафорической модели участвуют элементы фрейма «жилище/юрта»: шаңырақ, босаға, кереге. Они относятся к наиболее семиотически нагруженным элементам казахской юрты и выступают символами счастья, безопасности, благополучия семьи. Об укорененности метафорической модели «жилище» – «семья» в языковом сознании казахов свидетельствует частотность употребления наименований юрты молодоженов – ақ отау, ее составных частей в современных свадебных тостах.

Ключевые слова: речевой жанр, свадебный тост, метафорическая модель, отау, шаңырақ, кереге, босаға.

The article deals with some aspects of a metaphorical understanding of the concept of “family” in Kazakh culture. The study is based on the material of the texts of Kazakh wedding toasts. This variety of the speech genre of the toast is characterized by typification and variability, determined by conventional language norms and norms of speech communication. Words and phraseological combinations, in which the metaphorical model is objectified with the source area “home” and the target area “family” in the texts of Kazakh wedding toasts, reveal the specific nature of the language conceptualization of the concept of family. The “traces” of pagan mythological views, ancient customs, rituals and beliefs of the Kazakhs were preserved in linguistic units. The metaphorical model “home” – “family” reflects the idea of creating a new family as building / constructing a new home. In addition to the general idea of the family as a dwelling (aq otaw), elements of the “dwelling / yurt” frame (şańıraq, bosağa, kerege) participate in the implementation of this metaphorical model. They belong to the most semiotically loaded elements of the Kazakh yurt and act as symbols of happiness, security, family well-being. The rooted metaphorical model “home” – “family” in the linguistic consciousness of the Kazakhs is evidenced by the frequency of the names of a newlyweds’ yurt – aq otaw, its components in modern wedding toasts.

Keywords: speech genre, wedding toast, metaphorical model, otaw, şańıraq, kerege, bosağa.

Сведения об авторах: Темиргазина Зифа Какбаевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы.

Место работы: Павлодарский государственный педагогический институт.

E-mail: zifakakbaevna@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3399-7364>

Амренов Адильбек Даутбекович, кандидат филологических наук, заведующий кафедрой казахского языка и литературы.

Место работы: Павлодарский государственный педагогический институт.

E-mail: adilbek.61@mail.ru

About the authors: Temirgazina Zifa Kakbaevna, Doctor of Philology, Professor of the Department of the Russian Language and Literature.

Place of employment: Pavlodar State Pedagogical Institute.

E-mail: zifakakbaevna@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3399-7364>

Amrenov Adilbek Dautbekovich, Candidate of Philology, Head of the Department of the Kazakh Language and Literature.

Place of employment: Pavlodar State Pedagogical Institute.

E-mail: adilbek.61@mail.ru

Введение

Изучение жанровой организации речи во взаимосвязи с процессами социально-культурного взаимодействия требует междисциплинарного анализа, включающего помимо лингвистического культурно-антропологического, семиотического, лингвокультурный, коммуникативный подходы, что особенно актуально в эпоху межкультурной коммуникации и мультязычного общества. Неслучайно М. М. Бахтин называл речевые жанры «приводными ремнями от истории общества к истории языка» [1: 5]. Один из авторитетных исследователей в области речевой генетики К. Ф. Седов писал, что речевые жанры становятся тем «буферным пространством нашего сознания, где в одновременном существовании сливаются представления об эталонах социально значимого взаимодействия людей и о нормах речевого оформления такого взаимодействия» [2: 17–18].

Тенденция к прагматизации изучения речевого жанра предполагает отход от монологического подхода и активизацию его исследования с различных позиций, в том числе с лингвокультурологической. В. В. Деметьев объясняет это рядом причин: активным поиском базовой единицы речи, которая должна быть достаточно объемной; общей прагматизацией современной коллоквиалистики [3: 109].

Зарубежные исследователи делают акцент на коммуникативной установке или цели, считая ее важнейшим жанрообразующим признаком [4–6]. Коммуникативная цель свойственна каждому речевому жанру и формирует его внутреннюю структуру, композицию, языковую организацию. V. K. Bhatia писал: «Значительное изменение коммуникативной цели ведет к смене речевых жанров, в то время как изменения незначительные приводят к выделению поджанров» [4: 13]. Так, например, изменение иллокуции тоста «поздравить юбиляра с юбилеем» на «поздравить молодоженов с днем свадьбы» ведет к необходимости вычленив поджанр – свадебный тост.

Коммуникативные цели говорящего проявляются в выборе стратегий, тактик и отражаются во внутренней, или глубинной, структуре текста, которая представляет из себя систему символов, ассоциаций и смыслов, выступающих вербальной репрезентацией человеческого опыта и связанных с семиотикой конкретной культуры [7: 156]. Несомненно, что различия в человеческом опыте, обусловленные в первую очередь общими социально-культурными (этническими, профессиональными, гендерными, географическими и проч.) параметрами, во вторую очередь – индивидуальными

особенностями коммуниканта, определяют важность исследования глубинной структуры речевых жанров в межкультурной коммуникации. Если несовпадение контекстов культуры при интерпретации речевого жанра участниками межкультурной коммуникации является значительным, то интеракция может привести к непониманию, «культурному шоку» и, возможно, возникновению конфликта.

Еще М. М. Бахтин подчеркивал природную связь речевого жанра с родным языком: «Даже в самой свободной и непринужденной беседе мы отливаем нашу речь по определенным жанровым формам, иногда штампованным и шаблонным, иногда более гибким, пластичным и творческим. Эти речевые жанры даны нам почти так же, как дан нам родной язык» [1: 271].

Методы

Объектом нашего исследования является речевой жанр тоста в казахском языке, а конкретно его жанровая разновидность – свадебный тост. Предметом научного интереса выступают культурно-специфические языковые единицы, функционирующие в свадебных тостах и передающие своеобразие миропонимания брака и свадьбы в казахской ментальности. Для анализа речевого жанра М. Холлидей и Х. Руджайя [5] предлагают дифференцировать понятия «текст» и «контекст». Под последним они понимают общий контекст культуры и контекст частной ситуации, которая сложилась на момент речепроизводства [5]. Холлидей опирается на понятие «контекст культуры», введенное британским антропологом Б. Малиновским [8]. Б. Малиновский писал: «... Я думаю, что антропология, участвующая в создании научного образа своего предмета, а именно культуры, способна оказать другим гуманитарным наукам крайне важную услугу. Культура как наиболее широкий контекст человеческого поведения точно так же важна для психолога, как и для социолога, историка или лингвиста. Я полагаю, что лингвистика будущего, особенно в том, что касается теории значения, превратится в изучение языка в его культурном контексте» [8: 12]. Как мы видим, ученый также подчеркивает необходимость изучения значения языковых единиц в культурном контексте.

По мнению Холлидея, контекст ситуации есть некая целостность, организованная структурно и типичная для каждой культуры. Культурно-обусловленные знаки объективируются в процессе языковой концептуализации, в том числе с помощью когнитивного механизма аналогии – метафоры. Для анализа семантики языковых единиц – слов и идиом –

использовался метод построения метафорических моделей (субмоделей) [9: 146].

Результаты

Репрезентированные в языке смысловые доминанты содержат «следы» древних архетипических, сакральных, мифологических представлений, ритуалов и традиций казахов, как бы «законсервированных» в языковой форме. Особенно это касается поджанра «свадебный тост». Жанр тоста характеризуется признаками стандартности и вариативности. Свойство стандартности предполагает соблюдение ритуала, определенных правил поведения говорящим и адресатом, использование общепринятых речевых формул, соответствующих социокультурным нормам и конвенциям. Вариативность означает возможность определенной степени импровизации говорящим при создании жанра. «... Тост как первичный речевой жанр представляет особый интерес в современной концепции научного знания как объект лингвокультурологического и антропоцентрического исследования, потому что языковое выражение текста тоста, речевое и этикетное поведение говорящего неразрывно связано с культурной традицией и менталитетом народа, т. е. его массовым сознанием, традициями, обычаями и т. д. В настоящее время в условиях межкультурной коммуникации актуализировалась необходимость исследования универсальных и специфических характеристик поведения и общения различных народов в решении самых разнообразных вопросов; возросла потребность знать заранее те ситуации, в которых велика вероятность межкультурного непонимания» [10: 153].

Казахские тосты характеризуются ярко выраженной ритуальностью и строгой смысловой соотнесенностью с основным поводом к праздничному застолью. Современный казахский свадебный тост также обладает высокой степенью соответствия традиционному, общепринятому в казахской коммуникативной культуре установкам. Культурная специфичность свадебного тоста проявляется в следовании определенному ритуалу поздравления, в особом статусе адресатов и статусе говорящего, в строгой иерархии произносящих тосты, в прагматически обусловленной эмоциональности, экспрессивности, однозначно позитивной оценочной ориентации. Это распространенные внешние характеристики жанра, интерпретацию которых осуществить носителям другой культуры и языка не составляет труда.

Так, казахский ритуал поздравления молодоженов предполагает следующий порядок действий: тамада (ведущий свадьбы) объ-

являет имя того, кому предстоит говорить следующий тост. Тамада обязательно указывает на степень его родства с молодоженами, с какой стороны гость – со стороны невесты или со стороны жениха; объявление сопровождается шутками и поговорками тамады относительно статуса поздравляющего. Он выходит на определенное место, обычно в центре зала; остальные гости в это время должны прекратить разговаривать, есть и повернуться к нему, чтобы слушать. Иерархия произносящих тосты на казахском свадебном торжестве – тое – четко и строго регламентирована. Нарушение порядка предоставления тостов может стать серьезным поводом для обиды и даже конфликта с родственниками и друзьями в последующем. Первый тост, открывающий той, – *бата беру* (дать благословение) – предоставляется самому старшему по возрасту в роду жениха. Далее идут родители жениха и невесты, затем сваты (*бас куда, кудалар*), близкие старшие родственники (дяди, тети, старшие братья, их жены), друзья семьи, младшие родственники, друзья жениха и невесты. Если на свадьбе присутствуют гости, приехавшие издалека, (*алыстан келген қонақтар*), то им оказывается особый почет и уважение и предоставляется слово для поздравления сразу после родителей или сватов. Время тоста не ограничивается, считается невежливым прерывать говорящего. Поэтому тост может иногда длиться довольно долго – 30–40 минут. Поздравляющий может также сопроводить слова тоста песней.

Гораздо более сложным для инокультурного восприятия является отражение в свадебных тостах, в их глубинной структуре своеобразных представлений казахов о браке и семье. Они репрезентируются в языковых единицах, носящих чаще всего безэквивалентный характер и представляющих лакуны в языковом сознании носителей другой ментальности. Эти единицы построены на основе когнитивного механизма метафорической концептуализации, восходящей к основам архаического языкового и мифологического мировоззрения казахов.

Самой частотной метафорической моделью в казахских свадебных тостах является модель, в которой для осмысления области знаний «семья» используется в качестве источника когнитивная область «жилище/отау». А. К. Байбурин писал: «В традиционном обществе жилище — один из ключевых символов культуры. С понятием "дом" в той или иной мере были соотнесены все важнейшие категории картины мира у человека. Стратегия поведения строилась принципиально различно, в зависимости от того, находился ли человек дома или вне его пределов. Жилище имело

особое, структурообразующее значение для выработки традиционных схем пространства. Наконец, жилище — квинтэссенция освоенного человеком мира» [11: 3].

Когнитивная область «жилище/отау» упоминается для означивания семьи и начала семейной жизни 392 раза в 435 тостах. Это свидетельствует об устойчивости данной метафорической модели в языковом сознании казахов. Например: *Бүгінгі отау құрып жатқан екі жасты біз мақтамаймыз, біз олармен мақтанамыз* (Мы не хвалим двух молодых людей, которые сегодня строят свою семью, мы гордимся ими); *Сіздер бүгін мемлекеттің кіші моделі – отбасын құрып, отау тіктіңіздер* (Сегодня вы строите маленькую модель государства – семью, шьете отау); *Сіздерді бүгінгі салтанатты заңды некелеріңізбен, отау құрып, шаңырақ көтерулеріңізбен шын жүректен құттықтаймын!* (От всего сердца поздравляем с сегодняшней законной регистрацией брака, со строительством отау, поднятием шаңырака); *Отау тігу тойы, шаңырактарын шайқалмасын!* (Пусть не разрушится ваша вновь построенное жилище, не зашатается его шаңырақ) и т. д.

Согласно словарю, *отау* в первичном значении означает «юрта молодых», т. е. жилище для молодоженов. Метафорическое значение слова – «выделившаяся (из отцовского дома) молодая семья». В тостах слово *отау* употребляется с глаголами физического действия: *отау көтеру* (дословно «поднять юрту»), *отау құру* (дословно «поставить юрту»), *отау тігу* (дословно «шить юрту»). Все эти идиомы имеют одно метафорическое значение «выделяться из отцовского дома; становиться хозяином самостоятельной семьи», жениха, соответственно, называют *отау иесі* (хозяин молодой семьи, выделившейся из отцовского дома) [12].

Как мы видим, глаголы, вступающие в устойчивые метафорические сочетания со словом *отау*, носят конкретно-созидательный характер и обозначают созидание нового – новой семьи. Глубокая образно-понятийная ассоциация связана с пониманием процесса созидания молодой семьи как длительного, трудоемкого процесса, требующего значительных усилий многих людей. Эта ассоциативная связь обусловлена свадебными обычаями и ритуалами казахов, зачастую имевшими сакральный характер. В соответствии с древними традициями родители готовят для дочери жилище – юрту. Считалось, что новый дом должен принести счастье молодой семье, поэтому юрту украшали, старались, чтобы в ней было уютно. Вероятно, поэтому в составе одного из фра-

зеологизмов употребляется глагол *тігу* со значением «шить» (*отау тігу*), поскольку для убранства жилища требовалось много женского рукоделья. В процессе подготовки жилища для молодых принимали участие родные и близкие, родственники со стороны матери, соседи.

Выбор места для отау – жилища молодых определялся сакральным фактором. Это было место справа от юрты отца жениха, т. е. с южной стороны – оң жағынан. Как отмечают антропологи и этнографы, согласно восточной ориентации по сторонам света тюркских народов, юрты ставились входом к востоку, который считался передом, запад, соответственно, – задней частью, юг – правой стороной (оң жағы), а север – левой стороной (сол жағы) [13: 418–419]. Восточная ориентация у тюрков была семантически связана с культом солнца как главного небесного светила, восход которого символизировал обновление мира и оживление всего сущего в гармоничном «освоенном» пространстве [14].

Сакральный характер имело и название жилища молодых – *ақ отау* (дословно «белая юрта»). «Белый цвет (*ақ тус*) до сих пор ассоциируется со многими положительными понятиями: дневным светом, молоком, благополучием, счастьем – и символизирует невинность, чистоту, честность. ... Белый цвет войлока – наружного покрытия юрты – считался престижным и был привилегией богатых и молодоженов. Необходимо отметить, что слова, обозначающие цвета, в словосочетаниях приобретают добавочные оттенки. Так, *ақ жол* (букв.: «белый путь») означает «добрый путь»; *ақ көңіл* (букв.: «белое, светлое настроение») – «добродушный»; *ақ ниет* (букв.: «белое, светлое, чистое намерение») – «искренний, доброжелательный»; *ақ жүрек* (букв.: «белое сердце») – «чистосердечный, добрый». Таким образом, белый цвет осмысливается на комплиментарном уровне и переводится в разряд сакральных» [15: 143]. В словосочетании *ақ отау* белый цвет приобрел значение чистоты, благополучия, счастья.

В текстах свадебных тостов – благопожеланиях молодоженам – упоминается не только *отау*, *ақ отау* как целостная реалья, представляющая единый фрейм, но и ее важнейшие составные части, представляющие элементы фрейма казахского жилища – юрты. Фреймовая структура отау как жилища молодоженов экстраполируется на понятийную структуру семьи как социально-культурного явления. Чаще всего в свадебных тостах говорится о таких структурных элементах отау, как *шаңырақ*, *кереге*, *босаға*. Например: *Жаңа отбасыларыңыздың шаңырағына күннің нұры тәгілсін* (Пусть сияние солнца

озарит щанырак вашей новой семьи); *Ойын-күлкі, береке-бірлік шаңырақтарыңыздан еш кетпесін* (Пусть никогда не уйдет смех и радость, единство из-под вашего щанырака); *Шаңырақтарын биік болсын, керегелерің кен болсын, босағаларын берік болсын* (Пусть будет высок ваш щанырак, широки и просторны кереге, крепки двери юрты); *Жаңыл осы шаңыраққа қонған бақыт құсы бол!* (Пусть птица счастья поселится под этим щаныраком); *Шайқалмасын шаңырағын ешқашан* (Пусть никогда не закачается ваш щанырак).

Шаңырақ – это деревянный круг на вершине юрты, дымоход юрты. Кроме этого, слово имеет метафорическое значение «потомство; семья»; см. устойчивые выражения: *қара шаңырақ* (дословно «черный щанырақ») в значении «отчий дом (по отношению к сыновьям)»; *шаңырағы ортасына түсті* (дословно «щанырақ упал на середину юрты») в значении «потерять опору семьи; потерять семейный очаг»; *шаңырағына ат ойнату* (дословно «на его щаныраке выгуливать лошадей») в значении «разгромить дотла, уничтожить его семью»; *шаңырақ иесі* (дословно «хозяин щанырака») в значении «глава семьи» [12]; *құлаған шаңырағың қайта көтерді* (дословно «снова поднял упавший щанырақ») в значении «снова женился, восстановил семью, хозяйство» [16: 89].

Фразеологизм *шаңырақ көтеру* имеет прямое первичное значение «поднимать щанырак (при установке юрты)» и метафорическое значение «образовывать новую семью; обзаводиться семьей» [12] в соответствии с метафорической моделью «жилище» → «семья». В первичном значении передается древний обычай установки свадебной юрты – ақ отау, поднятие щанырака. Шаңырақ отау поднимается на шесте сидящим на лошади человеком, обычно это уважаемый человек в возрасте – многодетный отец. Такой выбор был символическим. Казахи считали, что это будет способствовать рождению в молодой семье большого количества детей.

Среди пожеланий молодым функционирует формула *Шайқалмасын шаңырағын ешқашан!* – Пусть твоя семья будет прочной! (дословно «Пусть никогда не зашатается щанырак твоего дома!»). Глубоко символическим является и благопожелание *Шаңырағың биік болсын!* – Пусть будет крепка ваша семья! (дословно «Пусть ваш щанырак будет высоким!»).

Шаңырақ в культуре казахов относится к реалиям высокой степени семиотичности и сакральности. Большинство языческих, мифологических и культовых обрядов совершается с участием этого ритуального символа дома, домашнего очага, семьи, продолжения

рода. Как часть юрты он был семейной реликвией, передавался из поколения в поколение, щанырак юрты отца почитался сыновьями как святыня. В важнейших жизненных ситуациях казах клялся, глядя на щанырақ. Понятие «щанырақ» было одним из главенствующих солярных символов в миропонимании и мировоззрении казахов, восходящих к тенгрианским воззрениям. Тюрколог И. В. Стеблева пишет об этом: «На наш взгляд, особая сакрализация щанырака объясняется его связью с двумя важнейшими древнетюркскими культурами – Тенгри и предков» [17: 213–214]. «В системе перекодировок “макрокосм и жилище” щанырақ, будучи самым верхним уровнем юрты, соотносится с небосводом» [18: 379].

Шаңырақ также выполнял в казахской юрте сакральную охранную функцию. Круглая форма щанырака, его части, материал, качество – все это непосредственно связано с понятием «кут» – защитником блага семьи [19: 12].

Еще одной составной частью отау, упоминаемой в свадебных тостах-благопожеланиях, является *босаға* – вход в юрту, т. е. дверные косяки и порог. Она относится к очень важным сакрализованным элементам юрты. В представлении казахов дверные косяки и порог является священным местом, именно здесь находятся богатство, благополучие семьи. *Босаға* – сакральная граница дома и внешнего мира. Всем действиям у входа-выхода приписывалась высокая степень семиотичности [11: 136]. «Так, при первом входе в юрту свекра или в “отау” (юрта молодоженов) невеста должна была у порога совершить три поклона, прислониться головой к косякам двери, переступить порог сначала правой ногой» [18: 380].

В казахской традиции, как практически у всех тюрко-монгольских народов, юрту новобрачных готовили родственники невесты. Однако, по свидетельству Н. И. Гродекова, дверные косяки привозил с собой жених [20: 66]. Как полагает Н. Ж. Шаханова, изготовление остова юрты и двери разными мастерами было обусловлено представлением об обязательном соединении в юрте двух начал (мужского и женского), реализовавшегося в соединении жениха и невесты [19: 21].

Согласно обычаю, первыми в отау входят наиболее уважаемые женщины селения, вливают масло в огонь очага, порог и косяки двери – *босаға* – обмазывают маслом. Масло, изливаемое в очаг, означает первую жертву духам юрты, покровителям домашнего очага. Обмазывание маслом порога и дверных косяков также должно умиловить духов юрты. Эти действия выполняют, кроме того, охранную функцию, поскольку дверь считалась границей между своим и чужим мирами

и требовала особой защиты. Поэтому пожелание молодым в свадебном тосте *Босағаларың берік болсын!* (дословно «Пусть дверные косяки вашего дома будут крепкими!») означает *Пусть ваше благополучие будет крепким! Пусть ваша семья будет сильной и защищенной!*

Кереге – еще один часто упоминаемый в свадебных тостах элемент юрты, занимающий особое место в семиотике жилища и семиотике брака. Это сборно-раздвижное основание юрты, которое состоит из отдельных секций решеток, соединенных друг с другом, и образует тем самым круговую стенку юрты [14]. Размер казахской юрты зависит от размера ромбовидных отверстий кереге. Символическое пожелание молодым *Керегелерің кең болсын!* (дословно «Пусть ваши кереге будут широкими») означает «Пусть ваш дом будет просторным!».

Для современных носителей казахского языка некоторые сакрально-семиотические смыслы утеряны и, соответственно, некоторые пожелания в свадебных тостах воспринимаются как речевые формулы и штампы, однако общая семиотика семьи в казахской культуре, позитивно-аксиологическая и эмоциональная ориентация свадебных благожеланий понятны и не вызывают проблем с их интерпретацией. Архетип строительства семьи как строительства жилища сохраняется в сознании современных носителей казахской культуры, несмотря на то что традиция *отау көтеру* в ее первоначальном виде утрачена в силу кардинальных изменений образа жизни казахов. Об этом свидетельствуют языковые данные. Так, в словосочетаниях с глаголом *құру* (строить) в свадебных тостах могут употребляться не обязательно слова *отау, шаңырақ*, а слова *отбасы* («семья»), *жануя* («семья»); *отбасы құру* (строить семью), *жануя құру* (строить семью).

Заключение

Анализ речевого жанра современного казахского свадебного тоста показал, что значительное место в их глубинной структуре занимает семиотика брака и семьи, сложив-

шаяся в течение многих столетий развития тюркской кочевой культуры. В современном Казахстане многие свадебные и семейные обычаи потеряли свою актуальность ввиду изменения ритма и уклада жизни, а также под влиянием исторических факторов. Женщины, как и во всех традиционных культурах мира, стали более эмансипированными, изменили отношение к семье и браку. Они уже не обязательно полностью посвящают себя семье и детям, а стремятся достичь карьерных высот наравне с мужчинами. Тем не менее исследование свидетельствует о том, что многие доминанты в семиотике семьи и брака сохранились в языковом сознании казахов до сих пор. Это обусловлено тем, что сохранившиеся смысловые доминанты соотносятся с важнейшими для казахской ментальности сакрализованными реалиями и явлениями, главное место среди которых занимает жилище казахов – юрта.

Для носителей других культур представляется сложным, а иногда практически невозможным полноценное понимание и интерпретация всех стоящих за языковыми единицами смыслов и ассоциаций, поскольку это требует либо полного овладения концептуальной картиной мира другого народа («контекстом культуры», по Малиновскому), либо эквивалентной передачи всех культурно-специфических понятий на другом языке. Последняя задача предполагает использование комплекса определенных переводческих методов и приемов описательного плана, но при всем этом может оказаться, что результат не будет достигнут. Трудно перевести и описать такие слова, как *отау, шаңырақ, босаға, кереге*, так как они относятся к безэквивалентным единицам, но еще сложнее передать культурно-семиотическую нагруженность этих слов, весь спектр смыслов и смысловых приращений, стоящих за ними.

Надо отметить, что и для современных носителей казахского языка, возможно, не всегда до конца понятен этот смысловой спектр, но залегающие на уровне глубоко подсознательного и бессознательного архетипы позволяют им верно воспринимать и интуитивно интерпретировать его.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 444 с.
2. Седов К. Ф. О жанровой природе дискурсивного мышления языковой личности // Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 1999. Вып. 2. С. 13–26.
3. Дементьев В. В. Изучение речевых жанров : обзор работ в современной русистике // Вопросы языкознания. 1997. № 1. С. 109–121.
4. Bhatia V. K. Analyzing Genre. Language Use in Professional Settings. L. ; N. Y. : Longman, 1993. 246 p.
5. Halliday M. A. K., Ruqaiya H. Language, Context, and Text: Aspects of Language in a Social-Semiotic Perspective. Oxford : Oxford University Press, 1989. 127 p.
6. Вежищкая А. Речевые жанры // Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 1997. Вып. 1. С. 99–111.
7. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988. 704 с.

8. Малиновский Б. Научная теория культуры. М.: ОГИ, 2005. 184 с.
9. Temirgazina Z., Akosheva M., Yrysgul Sh., Shaharman A., Kurmanova Z., Kairova M. Metaphors in Anatomical Terminology // *Space and Culture, India*. 2019. Vol. 7, № 1. P. 143–153.
10. Архипова Е. М. Тост как первичный речевой жанр в современной концепции научного знания // *Научная мысль Кавказа*. 2010. № 3. С. 151–155.
11. Байбурин А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1983. 191 с.
12. Русско-казахский словарь. URL: <https://sozdik.kz/ru/dictionary/translate/kk/ru> (дата обращения: 12.07.2019).
13. Подосинов А. В. Ориентация по странам света архаических культур Евразии. М.: Языки славянской культуры, 1999. 720 с.
14. Бекбердинова Г. М. Внутреннее пространство и символика казахской юрты. URL: <http://www.vkoem.kz/index.php/ru/directions/otdel-kazaxskoj-etnografii/1428-vnutrennee-prostranstvo-i-simvolika-kazaxskoj-yurty> (дата обращения: 2.06.2019).
15. Тохтабаева Ш. Ж. Этикетные нормы казахов. Ч. I. Будни и праздники. Ч. II. Семья и социум. М.: iPUB, 2017. 400 с.
16. Кеңесбаев І. К. Фразеологиялық сөздік. Алматы: Арыс, 2007. 798 б.
17. Стеблева И. В. К реконструкции древнетюркской религиозно-мифологической системы // *Туркологический сборник*. М.: Наука, 1972. С. 213–214.
18. Еуизбаева М. К. Юрта и особенности мировосприятия казахов. Электронный научный журнал «*edu.e-history.kz*». 2018. № 1 (05). URL: <http://edu.e-history.kz/ru/publications/view/379> (дата обращения: 30.07.2019).
19. Шаханова Н. Ж. Мир традиционной культуры казахов. Алматы: Казахстан, 1998. 212 с.
20. Гродеков Н. И. Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области. Юридический быт. Ташкент: Типолитограф. С. И. Лахтина, 1889. Т. 1. 205 с.
6. Wierzbicka A. Rechevye zhanry [Speech genres]. *Zhanry rechi: sb. nauch. st.* [Speech genres: coll. of sci. art.]. Saratov, 1997, iss. 1, pp. 99–111 (in Russian).
7. Gadamer H.-G. *Istina i metod. Osnovy filosofskoy germeneyvtiki* [Truth and method. Fundamentals of philosophical hermeneutics]. Moscow, Progress Publ., 1988. 704 p. (in Russian).
8. Malinovski B. *Nauchnaya teoriya kul'tury* [Scientific theory of culture]. Moscow, OGI, 2005. 184 p. (in Russian).
9. Temirgazina Z., Akosheva M., Yrysgul Sh., Shaharman A., Kurmanova Z., Kairova M. Metaphors in Anatomical Terminology. *Space and Culture, India*, 2019, vol. 7, no. 1, pp. 143–153.
10. Arkhipova Ye. M. Toast as the primary speech genre in the modern concept of scientific knowledge. *Scientific Thought of the Caucasus*, 2010, no. 3, pp. 151–155 (in Russian).
11. Bayburin A. K. *Zhilishche v obryadakh i predstavleniyakh vostochnykh slavyan* [Dwelling in the rites and representations of the Eastern Slavs]. Leningrad, Nauka Publ., Lening. otd-nye, 1983. 191 p. (in Russian).
12. *Russko-kazakhskiy slovar* (Russian-Kazakh dictionary). Available at: <https://sozdik.kz/ru/dictionary/translate/kk/ru> (accessed 12 July 2019) (in Russian).
13. Podosinov A. V. *Oryentatsiya po stranam sveta arkhaischeskikh kul'tur Yevrazii* [Orientation to countries of the archaic cultures of Eurasia]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 1999. 720 p. (in Russian).
14. Bekberdinova G. M. *Vnutrenneye prostranstvo i simvolika kazakhskoy yurty* (Interior space and symbolism of the Kazakh yurt). Available at: <http://www.vkoem.kz/index.php/ru/directions/otdel-kazaxskoj-etnografii/1428-vnutrennee-prostranstvo-i-simvolika-kazaxskoj-yurty> (accessed 2 Juny 2019) (in Russian).
15. Tokhtabayeva Sh. Zh. *Etiketnyye normy kazakhov. Part I. Budni i prazdniki. Part II. Sem'ya i sotsium* [The etiquette norms of the Kazakhs. Part I. Weekdays and holidays. Part II. Family and society]. Moscow, iPUB, 2017. 400 p. (in Russian).
16. Keñesbaev I. K. *Frazeologiyalıq sözdik* [Phraseological dictionary]. Almaty, Arıs Publ., 2007. 798 p. (in Kazakh).
17. Stebleva I. V. K rekonstruktsii drevnetyurkskoy religiozno-mifologicheskoy sistemy [To the reconstruction of the ancient Turkic religious-mythological system]. In: *Tyurkologicheskiy sbornik* [Turkological collection]. Moscow, Nauka Publ., 1972, pp. 213–214 (in Russian).
18. Yegizbayeva M. K. Yurta i osobennosti mirovospriyatiya kazakhov (Yurt and features of the worldview of the Kazakhs). *Elektronnyy nauchnyy zhurnal "edu.e-history.kz"* (Electronic scientific journal "edu.e-history.kz"), 2018, no. 1 (05). Available at: <http://edu.e-history.kz/ru/publications/view/379> (accessed 30 July 2019) (in Russian).
19. Shakhanova N. Zh. *Mir traditsionnoy kul'tury kazakhov* [The world of traditional Kazakh culture]. Almaty, Kazakhstan Publ., 1998. 212 p. (in Russian).
20. Grodekov N. I. *Kirgizy i karakirgizy Syr-Dar'inskoy oblasti. Yuridicheskiy byt* [Kirghiz and Karakirgiz of the Syr-Darya region. Legal life]. Tashkent, Tipolitogr. S. I. Lakhtin, 1889. Vol. 1. 205 p. (in Russian).

REFERENCES

1. Bakhtin M. M. *Aestetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1979, pp. 237–280 (in Russian).
2. Sedov K. F. O zhanrovoy prirode diskursivnogo myshleniya yazykovoy lichnosti [About genre nature of discursive thought of language personality]. *Zhanry rechi: sb. nauch. st.* [Speech genres: coll. of sci. art.]. Saratov, GosUNTs "Kolledzh", 1999, iss. 2, pp. 13–26 (in Russian).
3. Demytyev V. V. The study of speech genres. A review of works in modern Russistics. *Topics in the Study of Language*, 1997, no. 5, pp. 109–121 (in Russian).
4. Bhatia V. K. *Analyzing Genre. Language Use in Professional Settings*. London and New York, Longman, 1993. 246 p.
5. Halliday M. A. K., Ruqaiya H. *Language, Context, and Text: Aspects of Language in a Social-Semiotic Perspective*. Oxford: Oxford University Press, 1989. 127 p.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Темиргазина З. К., Амренов А. Д. Культурная специфика метафоры «жилище» – «семья» в казахских свадебных тостах // *Жанры речи*. 2020. № 2 (26). С. 128–135. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-2-26-128-135>

For citation

Temirgazina Z. K., Amrenov A. D. Cultural Specificity of the “Housing” – “Family” Metaphor in Kazakh Wedding Toast. *Speech Genres*, 2020, no. 2 (26), pp. 128–135 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-2-26-128-135>

Поступила в редакцию: 09.08.2019 / Принята: 09.11.2019 /
Опубликована: 01.06.2020

Received: 09 August 2019 / Accepted: 09 November 2019 /
Published: 01 June 2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative
Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

This is an open access article distributed under the terms of
Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)